

СРЕДНИЙ КЛАСС - СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, "КЛАСС НА БУМАГЕ" ИЛИ "ОБМАН ТРУДЯЩИХСЯ"?

Автор: В. В. КОЛБАНОВСКИЙ

КОЛБАНОВСКИЙ Варлен Викторович - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Аннотация. Рассматриваются три подхода к проблеме: историко-социологический, статистически-стратификационный и социально-критический; понимание класса как социальной реальности и "класса на бумаге" (по Марксу и Бурдьё); критерии выделения среднего класса; место и роль среднего класса в связи с процессами классораспада и классовообразования; экономическая многоукладность России как основа межклассового образования между Трудом и Капиталом. Возможность "нового исторического блока" производительных классов - интеллигенции и рабочих в союзе с количественно-качественно возросшим и усилившимся средним классом.

Ключевые слова: средние слои * класс в себе * класс для себя * критерии класса * экономический уклад * классораспад * классовообразование * межклассовый феномен * когнитариат

"В каждом государстве мы встречаем три класса граждан: очень зажиточные, крайне неимущие и третьи, стоящие в середине между теми и другими. Так как по общепринятому мнению умеренность и середина - наилучшее между двумя крайностями, то очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше".

Аристотель

Постановка вопроса. Вынесенное в заголовок статьи определение "класс на бумаге" принадлежит П. Бурдьё, другое - Л. Ландау. "Обман трудящихся" было его любимым выражением, когда имело место "втирание очков".

Средний класс стал предметом не только исследований и дискуссий среди социологов, но и объектом заботы политиков по обе стороны Атлантики. Б. Обама подчеркнул, что президентские выборы 2012 г. будут особо судьбоносными, ибо предстоит сделать "ключевой выбор, который определит будущее нашего среднего класса". В. Путин в первой своей предвыборной статье говорит о том, что в России наш средний класс "должен расти дальше, стать большинством в обществе, пополниться за счет тех, кто тащит на себе страну: врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих [Путин, 2012: 05].

Итак, с одной стороны - рачительное попечение политиков, с другой - признание "особости", социальной важности, необходимости и даже "передового" и "креативного" характера среднего класса. В США он напомнил о себе движением "Оккупируем Уолл-Стрит", в России весомо и зримо явил себя "бурлением" митингов pro и contra власти зимой - весной 2011 - 2012 гг. Остановимся на одном, но ключевом вопросе: что следует понимать под "средним классом"? Каковы критерии его образования? Существует ли он как единое целое ("класс в себе" и "для себя") или же представляет конгломерат из нескольких социальных групп, близких по 1 - 2 критериям, но различающихся по всем остальным? Наконец, если средний класс существует в США и других индустриально развитых странах мира, то это еще не факт, что он существует в современной России!

Обратимся к одному из критериальных определений среднего класса, которое содержится в уже упомянутой статье В. Путина: 1) материальная обеспеченность (доход более чем втрое превышает средний заработок 1990 г.), возможность выбирать работу, отдых, делать значительные траты, приобретения, иметь накопления и т.д.; 2) высокий уровень образования, что позволяет осознанно ориентироваться в политике и формировать свои запросы.

Иными словами, выдвигаются два "ресурсных" критерия - материальный - уровень дохода и потребления (экономический капитал) и образовательный (человеческий капитал). Достаточно ли этих критериев для характеристики среднего класса? Можно согласиться: достаточно для стратификационного выделения среднего класса как группы с определенным душевым доходом и потреблением и уровнем образования, но далеко еще недостаточно для его полной характеристики как социального класса.

За последние 20 лет социологическая литература о среднем классе стала богатой и содержательной. Над этой проблемой систематически и плодотворно работают многие российские социологи, на работы которых опирается эта статья.

Прежде всего интересны онтология и гносеология данного социального феномена: а) существует ли средний класс в реальности или он есть "миф", "фантом", "мираж"?! б) каковы познавательные способы подхода к этому феномену: критерии его выделения, если он существует, критерии его разоблачения, если он не существует?

Три подхода к проблеме. Можно выделить три основных подхода к проблеме в отечественной социологии.

а) Историко-социологический подход. Т. Заславская считает (и в этом она безусловно права), что "средний класс" сложился у нас в канун и в процессе "пере-

стройки": "Движущей силой революционной волны был "средний класс" советского общества, представленный хорошо образованной, квалифицированной, но социально и политически ущемленной и не удовлетворенной своим положением интеллигенцией" [Заславская, 2007: 184]. Это же понимание высказал Р. Симонян: "К началу 1990-х гг. в России сложился достаточно многочисленный средний класс, не только активный политически, ..., но и экономически (что подтвердило кооперативное движение конца 1980-х гг.). В этот класс входили многочисленные группы интеллигенции и высококвалифицированных рабочих, объединенных целями, сознанием общих интересов и, как показала практика, представляющие в своей солидарности серьезную политическую силу" [Симонян, 2009: 58 - 59].

Праволиберальные (а точнее - капиталистически-буржуазные) реформы начала 1990-х гг. нанесли удар по всем слоям населения, но особенно ощутимо и болезненно по зародышам и структурам нарождающегося среднего класса. Они "опустили" значительную часть интеллигенции и высококвалифицированных рабочих к черте бедности, понизили долю среднего класса во всем населении до 6 - 9%.

Отметим, что Т. Заславская в своих обобщающих трудах первого десятилетия XXI в. предпочитает говорить о "средних слоях", нежели о "среднем классе". С учетом работ таких социологов, как Г. Дилигенский, В. Радаев, можно выделить следующие качественные характеристики среднего слоя: *Его "особость"*. Т. Заславская отмечает: он, с одной стороны имеет некоторые (хотя и меньшие, чем у вышестоящих слоев) ресурсы для свободной инновационной деятельности, а с другой (хотя и с меньшим основанием, чем нижестоящие слои) может рассматриваться как массовый. *Сочетанием таких качеств не может похвалиться ни один другой слой* [Заславская, 2007: 253].

Динамизм, мобильность, инновационность, достигительные мотивации. Для наиболее продвинутых представителей среднего слоя характерна активная, инновационная роль в экономике и культуре. Г. Дилигенский связывает это с многообразием профессиональных статусов и форм деятельности среднего слоя [Дилигенский, 2002: 277]. В. Радаев отмечает, что в сфере инноваций активность этого слоя в несколько раз превышает активность массовых слоев. По его мнению, средний класс "располагается на движущемся фронте, осваивая новые предметы и формы деятельности, транслируя их далее в более массовые группы" [Радаев, 2003: 424].

Латентный конфликт с крупной бюрократией и крупным капиталом. По мнению Г. Дилигенского, средний класс в 1990-е и "нулевые" годы не имеет средств воздействия на политический и социетальные уровни управления обществом. Это порождает его латентный конфликт с правящей бюрократией и связанным с нею олигархическим капиталом. Однако неорганизованность и раздробленность средних слоев препятствует перерастанию этого конфликта в открытые и социально-конструктивные формы [Дилигенский, 2002: 278].

Негомогенность. Т. Заславская (в 2007) и Г. Дилигенский (в 2003) подчеркивают эту особенность: "Выделенный по каким бы то ни было признакам реальный или потенциальный средний класс *не представляет собой какого-либо единого социального образования.* Это всего лишь масса, не особенно богатых и не особенно бедных людей и групп, *глубоко дифференцированная в экономическом, социальном, культурном и психологическом отношениях*" [Дилигенский, 2002: 277].

Асоциальность, разобщенность, инертность. По мнению Т. Заславской, у средних слоев отсутствует стремление к самоорганизации даже для защиты собственных интересов. Им присущ асоциальный синдром, отсутствие культуры совместного действия [Заславская, 2007: 256].

Аналогично для Г. Дилигенского "люди среднего класса являются не столько реальными, сколько потенциальными социальными акторами" [Дилигенский, 2002: 245 - 248].

Необходимо отметить, что эти качественные характеристики были выделены 5 - 10 лет назад. К настоящему времени у многих представителей среднего класса они еще частично сохранились, но частично уже изменились.

Во-первых, возрос *ресурс* среднего класса "для свободной социально-инновационной деятельности", а именно: развилась частная собственность как в крупных, так и в средних и мелких формах; во-вторых, возросла его *массовость* (он увеличился в полтора-два раза с 14% в 2000 г. до 20 - 30%); в-третьих, обострился его *латентный конфликт* с господствующими "верхами" и стал принимать открытые формы; в-четвертых, все более отчетливо проявляется его *негомогенность* и, соответственно, *многослойность* и *двойственность*; в-пятых, в определенной степени снижается его асоциальность, разобщенность, инертность и возникают противоположные им тенденции *самоорганизации* и *самозащиты*.

Уличные шествия и демонстрации 2011 - 2012 гг. - эмпирическое подтверждение этих тенденций. Латентный конфликт "верхов", "среднего класса" и "низов" общества перерастает в открытые формы - как социально-конструктивные, так и социально-деструктивные.

Таким образом, историко-социологический подход позволяет выделить три этапа: зарождение среднего класса (1960 - 1980 гг.); его глубочайшую депривацию (1990 гг.); и возрождение, но уже в другом социальном составе и существенно с иными социальными качествами.

Стратификационно-статистический подход. Росстат намерен провести в 2012 г. статистическое обследование среднего класса, исходя из того, что уровни среднемесячных зарплат дают разброс: низший (АПК) 12 тыс. р.; средний 20 тыс. р.; высший (Нефтегаз) 60 тыс. р.

Логично предположить, что средний класс будет уловлен в тарифной сетке показателей высшего уровня доходов - там, где они примерно втрое превышают средние по стране уровни доходов и зарплат.

Статистический подход является чисто экономическим. Стратификационный подход отличается от него неизмеримо большей многомерностью и количеством критериев, но экономический среди них всего лишь один - это "средний доход" или "средний достаток" - по сравнению с самыми богатыми и самыми бедными.

Большинство российских исследователей среднего класса весьма успешно применяют стратификационный подход, получая количественно-качественные характеристики этого нового социального образования, анализируя его как внутри страны, так и на межстрановом уровне. Среди наиболее интересных исследований следует выделить работы Л. Беляевой [Беляева, 2011], Е. Аврамовой и Т. Малевой [Аврамова, Малева и др., 2000, 2003], З. Голенковой и Е. Игитханян [Голенкова, Игитханян, 2008], В. Радаева и О. Шкаратана [Радаев, Шкаратан, 2003], Н. Тихоновой и С. Мареевой [Тихонова, Мареева, 2009], М. Черныша [Черныш, 2008].

Из многочисленной литературы выделяется исследование РАН, проведенное в 2006 г. (докризисный период) на основе специального индекса уровня жизни, разработанного Н. Тихоновой, Н. Давыдовой, И. Поповой. М. Горшков [Горшков, 2007: 4] следующим образом характеризует исходные принципы и итоги этого исследования: всего было выделено 10 страт российского населения. Из них с первой по четвертую - ниже черты бедности (21%); на грани (17%); малообеспеченные (24%). В общей сложности это 60% населения.

Страты с пятой по восьмую, объединяющие не менее трети населения, представляют средние слои. *Ядро этих страт - российский средний класс. Он охватывает 20 - 22%.* При его выделении использовались довольно жесткие критерии: уровень образования не ниже среднего специального; душевой доход не ниже медианного для данного региона; характер труда: не физический; самоидентификация со средними слоями общества.

Девятая - десятая страты, отмечает М. Горшков, это около 5% населения, которые с точки зрения большинства россиян можно назвать богатыми (примерный душевой месячный доход 2000 долл.) По международным критериям - это скорее высший слой среднего класса.

Необходимо отметить, что стратификационный подход дает достаточно богатый и многомерный портрет всех слоев и групп среднего класса. Недостатком является очень слабый экономический критерий (доход на члена семьи или домохозяйство) и ограничение среднего класса только людьми нефизического труда. За бортом остаются "золотые воротнички", имеющие высокий образовательный ценз и сложный характер умственно-физического труда ("информационные работники"). За пределами остаются также негомогенность, двойственность, противоречивость самого среднего класса. Отсюда вырастает неизбежность третьего подхода к проблеме, который наиболее точно представил Р. Симонян.

б) Социально-критический подход. У историко-социологического и стратификационного подходов нет никаких онтологических сомнений в реальном существовании среднего класса; различия выступают в гносеологической сфере - первый подход фиксирует скорее качественную, второй - скорее количественную стороны данного феномена.

Социально-критический подход подвергает сомнению само онтологическое существование, саму *реальность* среднего класса, опираясь при этом на достаточно весомые основания. Р. Симонян выдвигает следующие доводы. Можно статистически выделять "средний потребительский слой", но это весьма зыбкая социальная прослойка, которая не может выполнять функцию основы общества или "социального стабилизатора" (М. Вебер). "У среднего потребительского слоя нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других основополагающих признаков класса. Нельзя отождествлять статистическую группировку и исторически сложившееся социальное образование. Это - принципиально различные общественные категории" [Симонян, 2012: 46].

Анализируя категорию "средний класс" Р. Симонян подчеркивает его стабилизирующую роль для общества, которая избавляет социум от крена в крайне левое или крайне правое положение. В самой категории особо значимы не столько характеристика экономическая, сколько характеристика той середины, центрирующей позиции, которую класс занимает в системе социальных отношений общества, а также осознание классом своей роли, исходящей из этой позиции. Отсюда вытекает то развернутое определение, которое дает Р. Симонян: "Средний класс в его строгом, классическом содержании составляют не просто обладатели определенного размера собственности, но носители базовых ценностей гражданского общества - личного достоинства и независимости, основанной на самоуважении, самостоятельности в оценках, общественно-политической активности, иммунитета к социальному манипулированию и многих других, составляющих в совокупности его классовое самосознание, которое и делает средний класс основой гражданского общества" [Симонян, 2009: 55 - 56].

Такого самостоятельного "класса для себя" в России еще нет. Есть и возрастает "средний потребительский слой", и можно надеяться, что постепенно появятся условия для формирования среднего класса и его следствия - гражданского общества, ибо и первое, и второе суть "общемировая тенденция" [Симонян, 2009: 61]. Величайшей опасностью является замещение понятия "среднее потребление" понятием "средний класс". Под этим имеется вполне определенная идеологическая основа - выдать желаемое за действительное, миражи или миф - за реальность, наподобие былых советских мифов о миссионерской роли рабочего класса или "реальном социализме". Р. Симонян приводит очень точное высказывание А. Галкина (1999 г.): "Теперь у нового режима иная социальная опора - средний класс. Если его нет, то его следует создать, а если не получается - то, в крайнем случае, придумать". Последнее и есть тот самый "обман трудящихся", под которым Л. Ландау разумеет "втирание очков".

Позиция Р. Симоняна, равно как еще более ранние высказывания А. Галкина и Ю. Левады, заслуживают самого серьезного внимания. Но здесь мы подходим к еще более сложному вопросу: что в социологии понимается под "общественным классом" и каковы критерии его выделения?

Гносеологические мистерии: класс "как воля и представление". Одним из интереснейших критиков марксовой теории классов является П. Бурдьё, содержательный анализ, который применительно к среднему классу делает С. Мареева [Тихонова, Мареева, 2009: 40 - 44]. Но для понимания "реальности" среднего класса необходимо обратиться к более общим вопросам.

Теория "социального пространства" П. Бурдьё предполагает "серию разрывов с марксистской теорией" [Бурдьё, 1993: 55].

Первый разрыв: он наносит удар по интеллектуалистской иллюзии, когда теоретический, сконструированный учеными класс рассматривается как реальный класс, как реально действующая группа людей. П. Бурдьё вводит понятие "класс на бумаге" и подчеркивает, что он имеет лишь *теоретическое* существование, аналогичное продуктам объяснительной классификации, совершенно сходной с теми, что существуют в зоологии и ботанике. Это лишь *возможный класс*, а не настоящий класс в смысле группы, причем группы "мобилизованной", готовой к борьбе [Бурдьё, 1993: 59].

Второй разрыв ставит под сомнение "таинственную алхимию" перехода "класса в себе" в "класс для себя". Марксизм, по П. Бурдьё, без долгих разговоров отождествляет класс сконструированный и класс реальный. "Класс в себе" - основан на ансамбле объективных условий, "класс для себя" основан на субъективных факторах. По логике тотального детерминизма этот переход осуществляется неизбежно по мере созревания объективных условий; по логике полного волюнтаризма - это эффект "познания" марксистской теории, осуществленной под просвещенным руководством партии [Бурдьё, 1993: 62].

Наконец, третий разрыв П. Бурдьё вносит в "двойной легитимности" - научной и демократической. Первая - это конструирование "метафорического" пролетариата в марксистской теории, вторая - это представительство "от имени" пролетариата в политическом и профсоюзном движении. Этот рабочий класс, как "воля и представление" не имеет ничего общего с классом в действии, это реальность магическая, это мистическая корпорация, в которой рабочий класс существует только в лице и посредством корпуса официальных его представителей (т.е. профбюрократии и партократии. - В. К.), которые дают ему слово и наглядное присутствие" [Бурдьё, 1993: 99].

Все инвективы П. Бурдьё направлены против марксистского понимания пролетариата, его исторической миссии. Но попробуем применить эти же инвективы к теориям среднего класса и тогда становится вполне очевидным следующее:

- стратификационный подход (исходя из количественных показателей) рассматривает средний класс как реальность, как иерархию высшего, среднего и низшего слоев, как самодостаточный "класс для себя", и, наконец, как "дважды легитимный" -научно и демократически;
- более осторожную позицию занимает историко-социологический подход, указывая, что это еще во многом потенциальный, а не реально действующий актер, "протосредний класс";
- резко отрицательную позицию занимает социально-критический подход, который фактически повторяет три инвективы П. Бурдьё: российский средний класс - не реальность, а конструкция, построенная на основе квантификации "среднего потребительского слоя", этот слой не обладает главными не столько экономическими, сколько социально-психологическими и нравственными характеристиками класса, и, наконец, "двойная легитимация" - научная и демократическая, позволяет идеологически манипулировать этим понятием, представлять его социальной основой режима, утвердившегося в современной России. По сути - это "миф", "фантом".

Но зимой-весной 2011 - 2012 гг. состоялось *эмпирическое явление среднего класса социологам*. Его высшие слои "бурлили" на митингах в Москве и Санкт-Петербурге, средние и низшие - по городам и весям нашей необъятной страны. Они были мобилизованы не только политиками и лидерами профсоюзов, но в огромной степени "социальными сетями". Они занимали диаметрально противоположные политические позиции. Средний класс проявил себя как социальная и политическая *реальность*, но

при этом не одномерная, а достаточно сложная и противоречивая. Это уже был класс не на бумаге, а в действии, не "класс в себе", а "класс для себя", не миф, а социальный актор.

Необходимо отметить, что в постмодернизме П. Бурдьё есть своя логика. Он ставит вопрос следующим образом: сводится ли социальный мир к одномерному и прямолинейному представлению (как в марксизме с его редукцией к противоположности между собственниками средств производства и продавцами рабочей силы) или же социальный мир многомерен, т.е. представляет социальное пространство с набором и пересечением полей "реальности первого порядка" (материальные ресурсы - капиталы) и "реальности второго порядка" (представления людей об этих реалиях) и т.д. Феноменология П. Бурдьё несколько иным, физикалистским и "капиталистическим" языком говорит о том, что в любом социуме есть связи и отношения между людьми материального и нематериального (культурного, символического, смыслового и т.д.) характера, при этом не отрицается что вторые "подчинены в большей или меньшей степени прочно и непосредственно полю экономического производства" [Бурдьё, 1993:81].

Совершенно очевидно, что многомерная картина реальностей и полей социального мира отражает характеристики социума, но характеристики наиболее общего, вневременного порядка, это картина "для всех времен и народов" - от первобытности до наших дней. Марксистская теория классов детально и на огромном эмпирическом материале прослеживает их становление и спонтанное развитие в связи со становлением незрелых, развитых и универсальных форм частной собственности, историческую эволюцию реальных классовых групп от каст к сословиям и от них - к классам современного капиталистического общества.

Вместе с тем, марксистская историко-эволюционистская картина мира несет на себе печать догматизма и идеологических иллюзий, на которые справедливо указывал П. Бурдьё. Достаточно двух примеров. Советские социологи исходили из неантагонистического характера классов в СССР, поскольку В. Ленин утверждал, что при социализме антагонизмы исчезают, противоречия остаются. Антагонизм между партией-государством, правящей военно-бюрократической олигархией и трудящимися классами, подавление и ограбление рабочего класса, интеллигенции, крестьянства в условиях тоталитарного и авторитарного строя - все это оказалось вне поля зрения идеологически "зашоренных" исследователей.

Второй пример: Из марксистской социологии было изгнано само понятие "средний класс", поскольку оно противоречило ортодоксии (закону абсолютного обнищания пролетариата). На "служебный класс", который занимает "среднее место между теми, кто правит и теми, кем правят", обратили внимание Э. Бернштейн, Р. Дарендорф и др. Марксистская ортодоксия объявила это "обманом трудящихся".

Следует согласиться с положением П. Бурдьё о *многомерности* социального мира, а стало быть его больших общественных групп - классов, но при этом всегда многомерности конкретно-исторической, определяемой *в конечном счете* такими основными детерминантами, как коллективные связи в первобытном обществе, внеэкономическое принуждение в традиционном обществе (азиатский способ производства, античное рабство, феодализм) и экономическое принуждение - в техногенно-либеральном обществе (капитализм).

Другой позитивной идеей П. Бурдьё является понимание *двойственности* социального пространства как взаимодействия "реальности первого порядка" (видов капитала) и "реальности второго порядка", которая существует в представлениях, в схемах мышления и поведения как символическая матрица практической деятельности социальных акторов.

Феноменологическое (постмодернистское) понимание социума ограничивается только тем, что *наблюдается* и *измеряется*, а именно - социальные связи и отношения людей, их "капиталы" ("реальность первого порядка") и представления об этих отношениях, их диспозиции и ценности, ("реальность второго порядка"). Но откуда

вырастает этот наблюдаемый мир, эти две реальности, доступные социологическому исследованию? Ответ может быть один: из еще более глубинной, уже ненаблюдаемой, но объективно существующей и познаваемой теоретически реальности *фундаментального порядка*.

Феноменологизм ограничивается по существу социальным микромиром и не простирается далее. Но существует социальный макромир - общество в его институтах, структурах и информации все более высокого уровня, вплоть до социетального; существует и социальный мегамир, а именно - нелинейное развитие формаций и типов цивилизаций, естественно-исторический процесс, охватывающий эволюцию социальной материи и законы этой эволюции. Все это есть ненаблюдаемая реальность фундаментального порядка, и если мы отвергаем ее, мы скатываемся к социологическому номинализму, если признаем только ее - поворачиваем к социологическому реализму. Стало быть, необходимо изучение реальностей всех трех: фундаментального, первого и второго порядков, как эмпирически наблюдаемого, так и теоретически постигаемого объективного социального мира.

Проблема места и роли генезиса и характеристик среднего класса, его онтология и гносеология не может быть решена без анализа всех трех уровней, или этажей, или "порядков" социальной реальности. Упомянутый выше статистически-стратификационный подход охватывает преимущественно "реальность первого порядка" - т.е. материальные и социальные ресурсы ("капиталы") среднего класса, как "класса в себе".

Социально-критический подход делает упор на "реальность второго порядка" - на самосознание, солидарность и самоорганизацию, на культуру и ценностные ориентации среднего класса. Для социологического исследования необходимо и то, и другое. Но еще более необходима *связь* экономического, социального и культурного "капиталов" среднего класса с более глубинными процессами классовообразования и изменения всей социальной структуры, конечной причиной которых в свою очередь являются объективные изменения в самом фундаменте социальной материи - в ее технико-технологических и экономических основаниях. Поэтому необходимо затронуть следующие вопросы: каковы критерии выделения среднего класса как органической составной части капиталистического уклада; каковы его роль и место в социальной структуре современной России; кто такие "информационные работники", "люди знания" или "когнитариат"?

Критерии классовообразования. Первым аналитиком и даже певцом среднего класса был Аристотель. "Величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью среднюю, но достаточную..." Таким образом, Стагирит выдвигает первый критерий классовообразования: "средний достаток". Далее выдвигается второй: "Средняя" форма государственного строя есть форма идеальная... там, где средний элемент многочислен, всего реже бывают среди граждан партийные распри и раздоры" [Античные..., 1955: 228 - 229]. Второй критерий - центрирующая, уравновешивающая и стабилизирующая роль среднего класса. Фактически вокруг этих критериев продолжает вращаться и социологическая мысль сегодняшнего дня.

Марксизм, более чем какое-либо другое социологическое учение, подчеркивает антагонистическую противоположность Труда и Капитала. Марксистская теория предсказала неизбежную деградацию, размывание и упадок тех слоев, которые находятся *между* этими полюсами (мелкие собственники города и деревни, "свободные профессии" - т.н. "старый средний класс"). Марксистская теория предсказала и неизбежность новых промежуточных образований в связи с технико-технологическими революциями (т. н. "новый средний класс"). Но отмеченный выше догматизм (например, абсолютизация закона абсолютного обнищания пролетариата) не позволил марксистской ортодоксии увидеть, что "средние слои" в зрелом и позднем капиталистическом обществе становятся значительным количественно-качественным образованием, охватывающим около половины занятого населения.

Наука, как предсказывал Маркс, уже превращается в непосредственную производительную силу. Научно-информационное производство и высокие технологии преобразуют технический базис капитализма, дают импульс для его глобалистской экспансии, для новых волн маркетизации, но с не меньшей силой увеличивают стихийность социального развития, индикаторы которого повседневно являют себя в мировом экономическом кризисе.

Изменяется ресурсная (экономическая) система социума. Самовозрастание Капитала более не может осуществляться без опережающего самовозрастания Знания. Ключевыми для всех трех секторов производства становятся "люди знания", "knowledge workers", "золотые воротнички" - менеджеры, ученые, специалисты, техники, высококвалифицированные рабочие, которые обеспечивают развитие и функционирование научно-информационного производства.

Изменяется культурно-информационная система, и потому с необходимостью вырастают слои, ответственные за производство, переработку, передачу и приумножение информации, как технической, так и социальной - это ученые, врачи, учителя, работники СМИ и творческих профессий - опять-таки разных уровней и рангов.

Изменяется управленческая система - и здесь с необходимостью возникает специализированный слой, управляющий как денежными, так и товарными потоками, осуществляющий "обратную связь" между Трудом и Капиталом, Властью и Народом.

Изменение этих функциональных систем концентрируется в изменении социально-структурной системы: здесь с необходимостью произрастает новое социальное образование - "средний класс", занимающий от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всей социальной пирамиды. Следует еще раз согласиться с утверждением Р. Симоняна, что образование среднего класса есть "*общемировая тенденция*".

Но какова собственная природа этого социального образования? К нему вполне можно отнести то, что Маркс говорит о его предтече - "старом среднем классе" - мелкой буржуазии: "Мелкий буржуа... ослеплен великолепием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа, и народ. Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие*, потому что противоречие есть основа его существа. Он сам - не что иное как воплощенное общественное противоречие" [Маркс, Энгельс, 1947: 32].

Социальная природа среднего класса наиболее точно раскрывается с позиций того подхода, который М. Буравой и Э. Райт определяют как "*социологический марксизм*" [Буравой, Райт, 2011].

Средний класс занимает промежуточное место между Трудом и Капиталом, т.е. между производительными и присваивающими классами, он является и *производительным*, и *присваивающим одновременно*. Занимая промежуточное место между живым трудом и Капиталом, как трудом овеществленным, ставшим отчужденной общественной силой, средний класс участвует в самовозрастании Капитала, но при этом участвует *двояко*:

- как производительная сила высокой и высшей квалификации и, соответственно, часть его труда *отчуждается и присваивается Капиталом* через механизм сверхприбыли;
- он участвует в самовозрастании Капитала как *посредник присвоения прибавочной стоимости*, и, соответственно, он - посредник капиталистической системы отчуждения труда, он необходимый проводник этого отчуждения, он - *орудие эксплуатации труда Капиталом*, и, соответственно, он получает за это немалую толику капиталистической сверхприбыли в зависимости от своего места и роли в иерархии капиталистического хозяйства.

Шекспировский шут утверждает: "Умение читать и писать дается Природой, Красота - результат Воспитания". Средний класс следует этому мудрому изречению: его человеческий, культурный, социальный "капиталы" даются Природой, Красота (гламур и блеск золотой экономического Капитала) - результат буржуазного Воспитания!

Попробуем применить к среднему классу традиционные критерии **социологического** марксизма:

- место в исторически определенной системе общественного производства (т.е. в условиях капитализма). Это и не господство, но и не порабощение, а подчиненное, опосредующее положение: чем ближе к Капиталу, тем менее эксплуатируется слой среднего класса и тем более сам участвует (как опосредующее звено) в эксплуатации; чем ближе к Труду - тем больше эксплуатируется Капиталом и менее сам участвует в эксплуатации;
- отношение к средствам производства опять-таки двойственное: средние слои не владеют крупными средствами производства, но в процессе труда могут контролировать и распоряжаться ими, они также могут владеть информационной техникой, открывающей им более широкие возможности в рыночной экономике;
- роль в общественной организации труда: она все более возрастает в условиях научно-информационного производства и дифференциации труда. По мнению Э. Райта и Дж. Голдторпа, возрастает спрос на обладателей *редких, но востребованных* технических профессиональных знаний и умений для которых требуется дополнительное образование и обучение [Тихонова, Мареева, 2009: 31 - 40]. Уровень ответственности и квалификация этого слоя (менеджеры, супервайзеры, эксперты и т.д.) либо отличается, либо существенно выше уровня рабочих;
- способ получения и размер доходов. Стратификационный подход делает упор на втором (душевой доход или на домохозяйство) и существенно меньше занимается первым, а именно он является решающим. Находясь *между* Капиталом и Трудом средний класс и его слои не обладают крупной частной собственностью (индивидуальной или корпоративной), но они могут обладать *персональной* частной собственностью (акции, рента, квартира, дом, земля, сдаваемые в аренду; торговая точка, мастерская, лаборатория) т.е. иметь такую собственность, которая приносит доход без затраты личного труда и позволяет (в ограниченных размерах) применять чужой труд или пользоваться его результатами.

Таким образом, средний класс *есть воплощенное общественное противоречие*: с одной стороны, он работник, трудяга, который способен "вкалывать" 24 часа в сутки; с другой стороны, он - собственник, владелец более или менее значительной недвижимости и движимости. Поэтому он в определенной степени самодостаточен и даже самолюбив: "реальность первого порядка" - социальные капиталы и место в иерархии этих капиталов для него являются ценностно-значимыми и престижными.

С другой стороны, этот же средний класс наиболее уязвим в трех отношениях -а) со стороны власти, которая удушает его бюрократическим беспределом и коррупцией; б) со стороны крупного Капитала, который походя изничтожает мелкий бизнес экономически; в) и, наконец, (в условиях "дикого" капитализма) -со стороны криминалитета, в рейдерских захватах и рэкете которого "вьется по ветру веселый Роджер".

Противоречивость, двойственность, негомогенность, многослойность среднего класса - отмеченная многими его исследователями-социологами - проистекает из его промежуточного положения между Капиталом и Трудом, когда отдельные его слои "отпочковываются" либо из Капитала, либо из Трудом; или же (противоположный процесс) вливаются в ряды либо Капитала, либо Трудом.

Многоуровневость и усложненность социального бытия среднего класса делает столь же пестрым и неоднородным его социальное сознание, психологию, этику, тяготеющие либо к Капиталу, либо к Трудом. Высшие, средние и низшие слои среднего класса могут написать на своих знаменах какие угодно, самые возвышенные политические лозунги, но социальные действия различных слоев среднего класса определяются их магнитным склонением либо к Трудом, либо к Капиталу. Колонны "возмущенных" (*indignados*) по всей Европе маршируют сегодня *во имя Трудом против Капитала*. В этом суть их *самоидентификации*. В России (в силу особенностей исторического развития) с этим дело обстоит гораздо сложнее.

Средний класс как "перемешивающий слой": классораспад и классовобразование в России. Со времени отмены крепостного права (1861 г.) прошло полтора века. За этот достаточно краткий исторический срок Россия проходит три периода классораспада и классовобразования. Первый период (1861 - 1917) - классическое превращение сословного общества (дворянство, духовенство, купечество, чиновничество, мещане, крестьянство) в общество капиталистических классов. За полвека формируется и усиливается крупная буржуазия и увеличивается фабрично-заводской пролетариат, постепенно освобождающийся от патернализма. Появляется *межсословное образование "разночинцы" как "люди разного чина и звания"*, выходцы из разных сословий, занимающиеся умственным трудом и ставшие носителями буржуазно-либеральной и революционно-демократической идеологии.

Все сословия, но более всего "разночинцы" становятся социальной базой очень тонкого, верхушечного слоя российской интеллигенции. Вот ее характеристика: "Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, не верю даже когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр". Эти слова сказаны тем, кого величают "певцом" интеллигенции, - А. Чеховым. Процесс буржуазного классовобразования в России хорошо описан в либеральной, народнической и социал-демократической литературе конца XIX - начала XX в. Мелкая буржуазия (мещане), разночинцы и интеллигенция совокупно представляли "старый средний класс" того времени - Кашириных, Кожемякиных, Самгиных, Серебряковых, Астровых и Трофимовых.

Октябрь 1917 г. прервал этот процесс. Изменились отношения собственности и власти, изменились и процессы классовобразования. Как ни парадоксально звучит - они пошли вспять - от классов к сословиям. Ни о социалистической "общенародной" собственности, ни даже о госкапитализме здесь речь не идет. Экспроприация экспроприаторов приводит - независимо от воли и желания самих экспроприируемых - к образованию собственности "*политарной*", а именно - *коллективной общеклассовой частной собственности* господствующего класса "иерархии первых секретарей", номенклатуры, военно-бюрократической олигархии.

Видный российский историк и этнолог Ю. Семёнов [Семенов, 2003, 2008] анализирует азиатский (политарный) способ производства в древних и новых цивилизациях, и его модификации (агрополитаризм) в условиях феодализма и индустрополитаризм в XX в. Везде политаризм базируется или приводит к восстановлению самых ранних, примитивных, грубых и насильнических форм частной собственности, везде он является консервативной и деградирующей силой.

В России в 1917 - 1985 гг. существовала система *социал-политаризма*, когда государственная собственность находилась под коллективным управлением, распоряжением и использованием отнюдь не всего советского народа, отнюдь не рабочего класса, а той узкой касты-сословия, которую Ю. Левада очень точно обозначил: "бюрократический абсолютизм". Другой привилегированный кастой-сословием был слой многочисленных начальников среднего и низшего ранга, третьей - верхушечная часть интеллигенции. Рабочий класс и крестьянство - крайне разнородные и дифференцированные по своему составу - в мире поголовного государственного рабства также приобретали черты кастовости и сословности.

Естественно, в отсутствие гражданского общества, ни о каком "среднем классе" речи быть не может. Как уже упоминалось выше, он начинает складываться только в 60 - 80 гг. из прогрессивной интеллигенции крупных вузовских городов и высококвалифицированных рабочих. Он активно проявляет себя, как авангард революционного движения против "бюрократического абсолютизма" в 1985 - 1991 гг.

Это революционное движение, этот подъем среднего класса были преданы и проданы в 1991 - 1993 гг. нарождающейся крупной буржуазией и ее политическими представителями - ваучерными приватизаторами, которые именовали себя демократами, клялись демократией, но открыли шлюзы самому "дикому", грабительскому, компрадорскому капитализму.

Россия в третий раз пытается совершить переход из традиционного общества к более свободному и индустриально-развитому. Первая попытка оборвалась в 1917 г. Вторая попытка - после Октября 1917 г., хотя и привела к значительному индустриальному развитию, но в конечном счете восстановила "прошедшего жителя подлейшие черты" - традиционное общество в его наиболее свирепой тоталитарной форме, в форме индустрополитаризма или социал-политаризма. Период от 1985 г. по настоящее время - минувшие четверть века, следует рассматривать, как третью попытку вырваться из традиционного общества.

В настоящее время разложение и "распил" социал-политарной собственности советского периода привели к новой многоукладности: пяти крупным родам и десяти видам экономических укладов [Радаев, Шкаратан, 2003: 61].

- I. Государственная и локальная собственность (1. федеральная, 2. региональная, 3. муниципальная - 30,9%)
- II. Смешанная форма собственности. (4. корпоративная с участием государства и смешанная с участием иностранных компаний - 10%)
- III. Частнохозяйственный капитализм (5. Крупный, 6. Средний, 7. Мелкий - 59%)
- IV. Персональная частная собственность (8. Городская, 9. Сельская)
- V. Остаточное натуральное хозяйство (10. Народы Крайнего Севера, горские народы).

Экономические уклады представляют преимущественно различные формы частной собственности, но не всецело относящиеся к Капиталу.

Как соотносятся Капитал и Труд в современной России? По данным Росстата, собственниками являются 6%, наемными работниками - 94% занятого населения. Соотношение Капитала и Труда представляет пропорцию 1 : 16, в то время как соотношение Богатства и Бедности (по правительственному отчету за 2011 г.) 16 : 1. Истекшие 25 лет были процессами классораспада, более того деклассирования и деградации тех классов, которые существовали в советский период: рабочий класс сократился количественно с 65 до 40% и резко снизился качественно (пятикратное снижение высоких квалификаций); интеллигенция резко уменьшилась количественно и снизилась качественно - по реальностям первого и второго порядка - социальным капиталам и их ценности в социуме; крестьянство подверглось дальнейшему "раскрестьяниванию" и пауперизации.

Процесс нового классовообразования в России тесно и нераздельно связан с развитием экономических укладов, с переходом от социал-политаризма первоначально к "дикому" и стихийному капитализму 90-х гг., а в настоящее время - к более развитым и многообразным формам частной собственности и более контролируемому и регулируемому Капиталу.

Крупная буржуазия произрастает из корпоративного и частнохозяйственного капиталистических укладов и может подразделяться на компрадорскую (сырьевую), корпоративную и частновладельческую. О. Шкаратан приводит убедительные данные: в России 1% самых состоятельных граждан получают 40% всех доходов, тогда как даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% национальных богатств [Шкаратан, 2011: 80].

Средний класс соотносится практически со всеми экономическими укладами либо в качестве собственника, либо в качестве наемного работника. Он лишь в самой ограниченной степени владеет частной собственностью (мелкая буржуазия); подавляющее его большинство обслуживает и зависимо от государственного и капиталистических укладов. В распоряжении среднего класса находится достаточная персональная собственность, в т.ч. приносящая доход (сдача в аренду и т.д.). Необходимо добавить, что сейчас в распоряжении среднего класса и интеллигенции находятся "социальные сети" в качестве средства личного развития и социальной мобильности, а также средства классовой самоорганизации и самозащиты.

Рис. 1. Место среднего класса в социальной структуре современной России.

Аналогично большинство населения (60 - 70%) интеллигенция и рабочий класс зависят от этих же экономических укладов, но имеют более низкий доход и статус так же, как и размеры и "набор" персональной частной собственности.

Крестьянство, размежевано между остатками "госхозов", фермерскими хозяйствами, а в немалой своей массе фактически отброшено вспять и вынуждено вести натуральное хозяйство.

Схема показывает, что средний класс занимает *опосредующее*, но далеко не маргинальное место по отношению к другим общественным группам.

Его *особость* проявляется в том, что он рекрутируется из всех других общественных групп и в них же может возвращаться. Его *негомогенность* объясняется тем, что он сочетает в себе одновременно признаки и собственника, и наемного работника; занятого умственным и занятого физическим трудом; он подвергается эксплуатации со стороны крупного капитала и одновременно управляет и контролирует труд других работников; он может быть проводником влияния Капитала на остальные производительные классы (как это было в тоталитарных режимах первой половины XX в.); он может двигаться против Капитала вместе с этими классами (как это происходило во второй половине XX в. и происходит в наши дни).

Это делает средний класс *узлом* социальных противоречий, а его самого *воплощенным социальным противоречием*.

Но это еще не все его особенности. Реальность фундаментального порядка - это не только экономика и политика, но техника и технология. А здесь нарастает и ускоряется научно-информационная революция, требующая адекватного себе "информационного работника".

Процесс классовообразования в России будет заключаться в том, что в самой среде производительных классов - рабочих, интеллигенции, крестьянства будут появляться новые социальные группы, а именно - люди высоких знаний и навыков, высокой власти над технологическими процессами первичного, вторичного и третичного секторов производства. Эту командную власть над техникой даст им четвертичный сектор: наука, образование, культура. "Информационный работник" - это будущая сердцевина и рабочего класса, и интеллигенции, и крестьянства, но наиболее массовым и востребованным он должен стать именно для среднего класса. Экономические, технические, культурные основания для этого в современной России уже есть, но они еще не собраны воедино, они еще не стали, а только становятся "движущей силой" экономических укладов и политического руководства.

В синергетике есть понятие "перемешивающего слоя". Он возникает тогда, когда сложная система становится наиболее неустойчивой и приближается к "хаосизации".

Тогда спонтанно возникает "перемешивающий слой" со "странными аттракторами" - точками бифуркации, от которых может пойти новая траектория развития, приводящая к более высокому и устойчивому порядку сверхсложной системы.

Таким "перемешивающим слоем" представляется средний класс и возникающий в нем "странный аттрактор" - "информационный работник". Понятие "средний класс" не отвечает строгим объективным и субъективным критериям класса. Вместе с тем это и не "класс на бумаге" (теоретическая конструкция социологов) и не "обман трудящихся" (очковничество идеологов). Это - социальная реальность, но реальность особого порядка.

Средний класс можно определить как *межклассовую категорию*, сочетающую признаки нескольких разнородных классов. Межклассовые образования появляются именно при качественных изменениях в самом основании общества - в его экономических и социальных отношениях, когда происходит распад и деградация старых общественных групп и классовое образование новых. Средний класс - неизбежный и даже необходимый продукт этого процесса. В настоящее время средний класс составляет 1/5, а с "периферией" - 1/3 занятого населения России. По осторожным оценкам он на перспективу охватит не более 30 - 35%, в то время как в индустриально развитых странах Западной Европы он достигает 50 - 60%.

Но реальность фундаментального порядка - модернизационный технико-технологический и экономический подъем затрагивает не только средний класс, но и рабочий класс, но и интеллигенцию, но и активную часть крестьянства, т.е. все *производительные* классы России. Наиболее продвинутые, креативные, мобильные представители этих групп с необходимостью будут вливаться в ряды среднего класса, пополнять его количественно, видоизменять качественно. Это будет означать существенное изменение "капиталов" (как реальности первого порядка) и самосознания и ценностных систем (как реальности второго порядка). Это будет означать, что производительные классы, разобщенные, обескровленные и обезволенные пресловутым "культурно-историческим шоком", а точнее, стихией и разнузданностью дикого капитализма и помпадурством властей - эти производительные классы вновь начнут осознавать не только свои собственные, но и общесоциальные интересы. Это будет означать, что возможен *союз* производительных классов и против засилья Капитала, и против беззакония властей.

В 70-х гг. XX в. известный теоретик-марксист и член ЦК Французской компартии Р. Гароди выдвинул идею о "новом историческом блоке" рабочего класса и интеллигенции. За это он был объявлен еретиком и отлучен от церкви (марксизма). Но Р. Гароди смотрел далеко вперед: он предвидел научно-техническую революцию. Сегодня, в начале XXI века, Россия становится на этот прогрессивный путь развития. На этом пути неизбежны социальный подъем, умножение сил и сближение рабочего класса и интеллигенции. Если российский средний класс включится в этот процесс, если он будет скреплять, будет связующим звеном "нового исторического блока" - тогда и только тогда у него появится реальное и долговременное будущее.

Россия и "когнитариат": "не твоя ли история это!" (Гораций). Эта будущность среднего класса, эта возможность "нового исторического блока" связана с экономически необходимым и социально прогрессивным формированием и развитием "когнитариата". Это понятие раскрывается в содержательной книге Э. Вильховченко "Люди знания" - новая рабочая сила позднекапиталистических обществ и ее место в цивилизационном процессе¹. "Когнитариат" - от латинского *cognare* - познавать, исследовать, овладевать и *cognio* - знание, изучение, представление. "Knowledge workers" - это высокообразованные работники в сфере бизнеса, науки, культуры и других областях деятельности, опирающиеся на специальные знания и информацию с привлечением информационных технологий [Вильховченко, 2010: 4]. По составу - это "элита" наем-

¹ Книга построена на большом теоретическом и эмпирическом материале об индустриально развитых странах мира, преобладающий угол зрения в ней - социологический (ИМЭМО, 2010, тираж 60 экз.).

ных работников: менеджеры, ученые, специалисты, а также дипломированные техники и высококвалифицированные рабочие. В наиболее технологически продвинутых отраслях в Западной Европе и США когнитариат составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ и более занятых работников.

Когнитариат - это коллективный интеллектуальный работник. Если Капитал применял и "высасывал" физическую силу пролетариата, то теперь он применяет и "высасывает" интеллектуальную силу когнитариата, его человеческие капиталы, но на этом и кончается сходство. Появление когнитариата означает глубочайшее изменение в содержании, характере и организации труда.

Когда-то Энгельс приводил капиталистическую фабрику в качестве образца "авторитета", дисциплины, продуктивного труда. Этот образец уходит в прошлое. Труд когнитариата - это совместное творчество, открытость, демократичность, кооперация знаний, это иерархия умов, а не иерархия чинов.

Э. Вильховченко отмечает возросшую *субъектность* когнитариата по сравнению с пролетариатом, а также иную мотивацию труда. В постиндустриальном типе человека соединились черты *Homo economicus* и *Homo faber* ("человека создающего") с чертами человека "социального" и "самореализующегося": "Это разительно отличалось от ситуации в постсоветской России, где в работниках консервировались *товарные качества преимущественно "экономического человека"*, что происходило не без влияния привнесенной с Запада *классической бизнес-культуры* с ее игнорированием развивающегося в работнике субъективного потенциала" {курсив мой. - В. К.) [Вильховченко, 2010: 23].

Индустриальный пролетариат (со времен чартистского движения), за полтора века сделал великое историческое дело - он сумел экономически и политически ограничить необузданное всевластие и тиранию Капитала. Сегодня Капитал порождает в своем собственном лоне еще более универсального, грамотного, гибкого и умелого противоборца, который пока еще вписан в систему глобального капитализма, но по мере обострения его глубокого кризиса с необходимостью придет и к борьбе за свои права, и к союзу с другими производительными классами, и к социальной переделке всей обветшавшей системе наемного рабства.

Когнитариат - это еще не весь средний класс, но уже значительная и наиболее креативная, наиболее растущая и наиболее востребованная его часть, причем такая часть, которая своими социальными корнями уходит и в интеллигенцию, и в рабочий класс. В индустриально развитых странах это уже достаточно бодрый и амбициозный юноша, в России - это еще дитя, но очень талантливое и очень беспокойное, как для Власти, так и для Капитала.

Средний класс и особенно когнитариат есть сегодня реальность индустриально-развитых стран. Опыт мирового развития вновь обращает к России слова Горация: "de te fabula narratur!"

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврамова Е. М., Малева Т. М. и др. Средний класс в России: количественные и качественные оценки. М., 2000; Средний класс в России: экономические и социальные стратегии. М., 2003.
- Аристотель. Политика // Античные философы. Изд-во Киевского университета, 1955.
- Беляева Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России. М., 2001.
- Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социол. исслед. 2011. N 10.
- Буравой М., Райт Э. О. Социологический марксизм // Социол. исслед. 2011. N 9, N 10.
- Бурдые П. Социология политики. М.: Sociologos, 1993.
- Вильховченко Э. Д. "Люди знания" - новая рабочая сила позднекапиталистических обществ и ее место в цивилизационных процессах. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
- Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Российский средний класс: особенности профессионального поведения // Средний класс в современной России. М., 2008.
- Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Рабочие в социальном пространстве региона // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 10. М. - СПб., 2011.

- Горшков М. К.* Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М., 2007.
- Дилигенский Г. Г.* Люди среднего класса. М., 2002. С. 277.
- Заславская Т. И.* Проблемы социетальной трансформации российского общества // Избранные произведения. М.: Экономика, 2007. Т. 2.
- Маркс К.* - П. В. Анненкову. 28 декабря 1846 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные письма 1843 - 1895. М.: ОГИЗ, 1947.
- Путин В. В.* Россия сосредотачивается: вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 января.
- Радаев В. В.* Средний класс: модели поведения. Обычные и инновационные практики // Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Колл. монография под ред. Т. М. Малеевой. М.: Гендальф, 2003.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация российского общества. М., 2003.
- Семёнов Ю. И.* Политарный ("азиатский") способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2008 // Философия истории. М., 2003.
- Симонян Р. Х.* "Средний класс социальный мираж или реальность"? // Социол. исслед. 2009. N 1.
- Симонян Р. Х.* Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // Социол. исслед. 2012. N 1.
- Тихонова Н. Е., Мареева С. В.* Средний класс: Теория и реальность. М., 2009.
- Халатников И. М.* "Дау, Кентавр и другие". (Top nonsecret) М.: Физматлит, 2007.
- Черныш М. Ф.* Классовая структура и социальные интересы среднего класса // Средний класс в современной России. М., 2008.
- Шкаратан О. И.* Российская "псевдоэлита" и ее идентификация в мировом и национальном контекстах // Мир России. 2011. N 4.